

В С Е М И Р Н А Я Л И Т Е Р А Т У Р А

СОЕД. ШТ. СЕВ. АМЕРИКИ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ЭДГАРА ПО

EDGAR ALLAN POE

1809—1849

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЭДГАР ПО

РАССКАЗЫ

ТОМ I

ПЕРЕВОД М. А. ЭНГЕЛЬГАРДА

БЕРЛИН МСМХХІІІ

ОСТРОВ ФЕИ.

Nullus enim locus sine genio est¹⁾.
Senilis.

«Музыка» — говорит Мармонтель в своих «Contes moraux», которые, точно в насмешку над их духом, упорно превращаются у наших переводчиков в «Нравоучительные рассказы», — «музыка единственный дар, наслаждающийся самим собою; все остальные нуждаются в обществе». Он смешивает здесь наслаждение, доставляемое сладкими звуками, со способностью творить их. Музыкальный дар, как и всякий другой, может доставлять полное наслаждение лишь в том случае, когда есть посторонние люди, которые могут оценить его; и так же, как всякий другой, он производить на душу действие, которым можно наслаждаться в уединении. Мысль, которую *l'auteur* не сумел выразить ясно, — или пожертвовал ясностью французской любви к игре слов, — без сомнения, вполне справедлива в том смысле, что высокая музыка может быть вполне оценена лишь тогда, когда мы слушаем ее одни. С такую мыслью согласится всякий, кто ценит лиру ради нее самой и ее духовного значения. Но есть и еще наслаждение у грешного человечества, быть может, одно единственное, которое еще больше, чем музыка, связано с уединением. Я говорю о наслаждении, которое доставляют картины природы. Поистине, только тот может созерцать славу господню на земле, кто созерцает ее в уединении. Для меня, по крайней мере, присутствие не только человеческой, но и всякой другой жизни, —

¹⁾ «Нет места без своего гения».

кроме зеленых существ, в безмолвии произрастающих на земле — представляет пятно на картине, враждебное гению картины. Да, я люблю смотреть на темные долины, на серые скалы, на тихие воды с их безмолвной улыбкой; на леса, вздыхающие в беспокойном сне; на гордые вершины, которые смотрят вниз, подобно часовым на сторожевых постах, — я вижу во всем этом исполинские члены одного одушевленного и чувствующего целого, — того целого, чья форма (форма сферы) наиболее совершенная и всеобъемлющая из всех; чей путь лежит среди дружественных светил; чья кроткая рабыня — луна; чей властелин — солнце; чья жизнь — вечность; чья мысль — благо; чья отрада — знание; чьи судьбы теряются в бесконечности; чье представление о нас подобно нашему представлению об *animalculae*¹⁾, заражающих наш мозг, — почему мы и считаем его, это целое, неодушевленным и грубо вещественным, таким же, каким должны считать нас *animalculae*.

Наши телескопы, наши математические исследования убеждают нас вопреки заблуждениям невежественной теологии, что пространство, а следовательно, и вместимость являются важным соображением в глазах всемогущего. Круги, по которым движутся светила, наиболее приспособлены для движений, без столкновения, возможно большего числа тел. Формы этих тел именно таковы, чтобы в данном объеме заключать наибольшее количество материи, а поверхности их расположены так, что могут поместить на себе население более многочисленное, чем при всяком другом расположении. Бесконечность пространства не может служить доказательством против той мысли, что вместимость входила в расчеты божества; потому что бесконечное пространство наполнено бесконечной материей. И раз мы видим, что наделение материи жизнью представляет закон, — даже, насколько мы можем судить об этом, — руководящий закон деятельности бога, — было бы нелогично воображать, что этот закон органичивается областью мелочных явлений, где мы видим его ежедневно и не простирается на область вели-

¹⁾ Микроскопические животные.

чественного. Мы видим круг в кругу без конца и все они вращаются вокруг отдаленного средоточья, божества; не можем ли мы по подобию предположить жизнь в жизни, меньшую в большей, и все — в духе господнем. Короче сказать, мы безумно заблуждаемся, предполагая в своем тщеславии, что человек и его судьбы, настоящие и будущие, больше значат во вселенной, чем огромная «глыба праха», которую он обрабатывает и презирает, не признавая за ней души только потому, что не замечает ее проявлений¹⁾.

Эти и им подобные мысли всегда придавали моим раздумьям, среди гор и лесов, на берегах рек и океана, окраску, которую будничней мир не преминет назвать сказочной. Я много раз странствовал среди таких картин, уходил далеко, часто в одиночестве, и наслаждение, которое я испытывал, бродя по глубоким туманным долинам или любясь отражением неба в светлых водах озера, всегда усиливалось при мысли, что я брожу и люблюсь один. Какой болтливый француз²⁾ сказал, намекая на известное произведение Циммермана: «*La solitude est une belle chose, mais il faut quelqu'un pour vous dire que la solitude est une belle chose?*»³⁾). Замечание остроумное, но этой необходимости вовсе нет.

В одном из таких одиноких блужданий среди гор, нагроможденных друг на друга, и печальных рек, и угрюмых сонных прудов, я случайно наткнулся на речку с островком. Я забрел сюда в июне, и бросился на траву под каким-то неизвестным мне благовонным кустарником, чтобы в дремоте любоваться видом. Я чувствовал, что именно так нужно рассматривать его, потому что на нем лежала печать сновидения, чего-то призрачного.

Со всех сторон, кроме западной, где солнце склонялось к закату, возвышались зеленеющие стены леса. Речка,

¹⁾ Рассуждая о приливах и отливах в трактате „*De Situ Orbis*“, Помпоний Мела говорит: «мир — огромное животное, или . . .» и т. д.

²⁾ Бальзак, слова которого я точно не помню.

³⁾ «Уединение хорошая вещь, только необходимо, чтобы был кто-нибудь, кто сказал бы вам, что уединение хорошая вещь».

круто завернув в своем течении, тотчас исчезала из виду; казалось, она не выходила из своей темницы и поглощалась на востоке густой зеленой листвой; тогда как с противоположной стороны (так, по крайней мере, представлялось мне, когда я лежал и смотрел вверх) безмолвно и непрерывно, пышным потоком, струились в долину золотые и багряные волны с вечернего неба.

Почти в самой середине узкой расщелины, открывавшейся моему дремлющему взору, покоился на лоне реки круглый островок, одетый роскошною зеленью.

Берег до того сливался с своим отражением,
Что оба, казалось, висели в воздухе —

и светлые воды так походили на зеркало, что невозможно было сказать, где кончается изумрудный дерн, и где начинается хрустальное царство воды.

Я мог охватить одним взглядом восточную и западную оконечности острова и заметил странную разницу в их внешнем виде. Западный край казался лучезарным гаремом цветущей красоты. Он сиял и рдел, озаренный косыми лучами заходящего солнца, и смеялся своими пышными цветами. Нежная благоуханная травка была усеяна Царскими кудрями. Стройные, прямые, тонкие, изящные деревья, с светлой зеленью и пестрой, гладкой, блестящей корой напоминали о востоке своей формой и листвой. На всем лежала печать жизни и радости и, хотя ни малейшее дыхание ветерка не шевелило недвижимого воздуха, все казалось в движении благодаря мотылькам бесчисленным, которых можно было принять за крылатые цветы¹⁾.

Другой, восточный конец острова был погружен в черную тень. Все здесь было проникнуто мрачной, хотя прекрасной и тихой, скорбью. Темные деревья, в траурной одежде, казались скорбными торжественными призраками, говорившими о безвременной смерти и надгробной печали. Трава имела мрачную окраску кипариса, листья ее уныло поникли, разбросанные там и сям холмики, заросшие рутей и розмарином, казались могилами. Тени

¹⁾ „*Florem putares nare per liquidum aethera*“, — «Подумаешь, цветок плавает в жидком эфире». — P. Commire.

деревьев тяжело ложились на воду и исчезали в ней, окутывая мраком ее глубины. Мне грезилось, что каждая тень, по мере того как солнце спускалось все ниже и ниже, угрюмо отделялась от ствола, породившего ее, и поглощалась потоком, а на место ее тотчас же выступала новая.

Эта мысль, зародившись в моем воображении, возбуждала его все сильнее и сильнее, и я предался мечтам. — Если был когда-нибудь очарованный остров, — думал я, — так вот он передо мною. Здесь, в этом уголке, притаились немногие феи, уцелевшие от гибели, постигшей их племя. Не их ли эти зеленые могилы? Не расстаются ли они с своей легкой жизнью так же, как люди с своей? Или они разрушаются постепенно, возвращая богу свое существование, капля за каплей, как эти деревья отдают воде тень за тенью, истощая мало по малу свое существование? Между жизнью феи и смертью, которая поглощает жизнь, не такая ли же связь, как между разрушающимся деревом и водой, которая всасывает тени его, становясь от них все чернее и чернее?

Пока я мечтал, с полузакрытыми глазами, а солнце быстро спускалось, и крутящиеся струи вились вокруг острова, нанося на его грудь снежно-белые хлопья коры сикомор, в которых живое воображение могло бы увидеть все, что ему померещится; пока я мечтал, мне показалось, что одна из тех самых фей, о которых я думал, появилась на западной оконечности острова, медленно двигаясь из света в тьму. Она стояла в странном зыбком челноке, двигая его тенью весла. Пока ее озаряли лучи угасающего солнца, она казалась веселой, но грусть овладевала ею по мере того, как она погружалась в тьму. Она тихонько скользила по воде и, наконец, обогнула остров и снова появилась на освещенной стороне. Круг, который только что свершила фея, — думал я, — годовой круг ее скоротечной жизни. Она пережила зиму и лето. Она годом ближе к смерти; я видел, как тень ее отделилась от нее, когда она вступила в темноту, отделилась и исчезла, поглощенная черными водами, которые стали еще чернее.

Снова появился челнок и фея, но на этот раз ее поза

обнаруживала больше тревоги и беспокойства и меньше беспечной радости. Снова вступила она из света в тьму (которая сгущалась с минуты на минуту) и снова тень ее отделилась и исчезла в черном лоне вод. И каждый раз, как фея огибала остров (между тем как солнце уходило на покой) и появлялась у освещенного берега, лицо ее становилось все грустнее, все бледнее и призрачнее, и каждый раз, когда она вступала в тьму, тень ее отделялась и исчезала в черных водах. И, наконец, когда солнце исчезло, фея — призрак прежней феи! — в последний раз погрузилась в черную тьму; и вышла ли когда-нибудь, — не знаю, потому что все оделось мраком а я не видел более ее волшебного лица.